

DOI 10.31250/2618-8619-2023-2(20)-67-75

УДК 391

Елена Викторовна Михайлова-Енька

Независимый исследователь
Чебоксары, Российская Федерация
ORCID: 0000-0002-3209-0712
E-mail: ee.chv@yandex.ru

**Сведения о нагрудных украшениях
в виде серебряных «солнц» из воспоминаний Юзефа Копця
о его путешествии по России конца XVIII в.**

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается этнографическая часть воспоминаний участника польского восстания 1794 г. Юзефа Копця о его пленении, высылке и пути на Камчатку, посвященная народам Волго-Уралья. Предполагается, что эта часть является позднейшей вставкой, не принадлежащей перу Копця. Тем не менее приводящиеся в ней данные имеют этнографическое значение, в особенности — уникальное сообщение об отлитых из серебра женских нагрудных украшениях в виде солнца. В оригинальном издании 1837 г. на польском языке эти украшения отнесены к характерным для нерусских и нетатарских народов Волго-Уралья. В переводе 1896 г. на русский язык серебряные «солнца» «приписываются» чувашским женщинам, что дало возможность ряду исследователей связать их с *кёскё* — нагрудной вышивкой женских рубах у чувашей, в которой по приведенным в «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина сведениям присутствуют изображения солнца. В статье также рассматриваются изображения костюмов (и украшений в виде солнца) казанских, кунгурских и уфимских татар, опубликованные в изданиях этнографического характера XVIII в. Предполагается невозможность на данном этапе конкретной приписки серебряных «солнц» какому-либо этносу Волго-Уральского региона. Обозначаются пути для дальнейшего исследования этого вопроса, особое внимание в работе уделено чувашскому народному костюму, в том числе бытованию комплектов украшений, историко-лингвистическому анализу терминов, связанных с одеждой (прежде всего *кёскё*).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Юзеф Копец, Герард Фридрих Миллер, Иоганн Готтлиб Георги, татары, чуваша, черемисы, нагрудные украшения из серебра

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Михайлова-Енька Е. М. Сведения о нагрудных украшениях в виде серебряных «солнц» из воспоминаний Юзефа Копця о его путешествии по России конца XVIII в. *Кунсткамера*. 2023. 2(20): 67–75. doi 10.31250/2618-8619-2023-2(20)-67-75

Elena Mikhailova-En'kka

Independent researcher
Cheboksary, Russian Federation
ORCID: 0000-0002-3209-0712
E-mail: ee.chv@yandex.ru

Data about Breast Decorations in the Form of Silver “Suns” from the Memoirs of Józef Kopec about His Journey through Russia at the End of the 18th century

ABSTRACT. The article considers the ethnographic part of the memoirs of the participant of the Polish Uprising of 1794, Józef Kopec, about his capture, exile and journey to Kamchatka, dedicated to the peoples of the Volga-Urals. It is assumed that this part is a later insertion, not written by Kopec. Nevertheless, the data given in this insert have ethnographic significance, especially the unique message about women's breast ornaments cast from silver in the form of the sun. In the original Polish edition of 1837, these ornaments belong to the non-Russian and non-Tatar peoples of the Volga-Ural region. Translated into Russian in 1896, silver “suns” are attributed specifically to Chuvash women, which made it possible for a number of researchers to associate these “suns” with the *kěskě* — breast embroidery of Chuvash women's shirts, which, according to the “Dictionary of the Chuvash Language” by N. I. Ashmarin, are images of the sun. The article also examines the images of costumes (and jewelry in the form of the sun) of Kazan, Kungur and Ufa Tatars, published in the publications of an ethnographic nature of the XVIII century. It is assumed that it is impossible at this stage to specifically assign silver “suns” to any ethnic group of the Volga-Ural region. The ways for further research of this issue are outlined, with special attention paid to the Chuvash folk costume, including the existence of sets of jewelry, historical and linguistic analysis of terms related to clothing and, first of all, *kěskě*.

KEY WORDS: Józef Kopec, Gerhard Friedrich Müller, Johann Gottlieb Georgi, Tatars, Chuvash, Cheremis, breast jewelry made of silver

FOR CITATION: Mikhailova-En'kka E. Data about Breast Decorations in the Form of Silver “Suns” from the Memoirs of Józef Kopec about His Journey through Russia at the End of the 18th century. *Kunstkamera*. 2023. 2(20): 67–75. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2023-2(20)-67-75

Юзеф Копец (Иосиф Копец, Юзеф Копэць) (1762–1827) родился в Пинском воеводстве Речи Посполитой (нынешняя территория Белоруссии). В 1794 г. участвовал в восстании Тадеуша Костюшко, после поражения повстанцев попал в плен и был приговорен к ссылке на Камчатку (Островская 2014: 264). После освобождения и возвращения на родину Ю. Копец написал воспоминания об этой ссылке, которые закончил, вероятно, в 1810 г. (Шостакович 1994: 46; Островская 2014: 268). Эти записи в кратком варианте были изданы лишь в 1837 г. во Вроцлаве под заглавием «Дневник путешествия Юзефа Копця вдоль всей Азии напролет до порта Охотска по океану через Курильские острова до Нижней Камчатки, а оттуда возвращение до того же самого порта на собаках и оленях» (“Dziennik podróży Józefa Kopcia przez całą wzdłuż Azyą, lotem od portu Ochotska oceanem przez Wyspy Kurylskie do Niższej Kamczatki, a ztamtąd na powrót do tegoż portu na psach i jeleniach”) (Копес 1837). В дальнейшем «Дневник путешествия Юзефа Копця» был переиздан в 1863, 1865, 1867, 1868, 1881, 1911 гг. (эти издания доступны в польской цифровой библиотеке Polona¹). По сведениям Б. С. Шостаковича, в XIX — начале XX в. «Дневник путешествия Юзефа Копця» издавался более десяти раз и «проводившийся позднее исследователями специальный анализ этих изданий показал, что ряд из них повторяет краткую версию записок по первоначальному, вроцлавскому изданию» (Шостакович 1994: 47).

На русский язык воспоминания Копця были переведены славистом-археологом Г. А. Воробьевым в 1896 г. также по вроцлавскому изданию 1837 г. (Островская 2014: 269) и напечатаны под заглавием «Записки бригадира Иосифа Копця» в журнале «Исторический вестник» (Копец 1896). Особый интерес в этой публикации вызывают записи этнографического характера. В третьей главе под названием «Путешествие до Иркутска» упоминаются народы Волго-Уралья (в том числе чуваша)²:

Несколько десятков поколений татар и других народов — чувашей, черемисов, вотяков и остяков, поселились около Казани и по дороге к Тобольску. Вокруг Казани можно считать по меньшей мере до двухсот тысяч татар. Они возделывают землю и платят весьма большие подати, частью деньгами, частью мехами. В этой стороне мало еще зверей, и они не настолько прекрасны, как в отдаленных странах Сибири. Тут нет еще соболей, а есть лишь много белок, рысей, куниц, бобров и медведей.

В убранстве татары приближаются к туркам: женщины ходят в чалмах и носят богатые материи, которые покупают у бухарцев. Одеваются они прекрасно и богато, но мужья запирают их, и только иногда случайно можно их видеть. В домах у них величайшая опрятность. Два яруса лавок выстланы коврами. Сидят положивши ноги накрест. В каждом почти доме подле печей вделаны котлы. В них они ошпаривают голубей и готовят вкуснейшие кушанья.

Когда холостой мужчина задумает взять девушку себе в жены, посылает к ней коня. Она отсылает его обратно, и если вплетет ему в гриву ленту, значит отдает свою руку. В дальнейших же церемониях этого обряда они подражают жидам; каждый из участников веселья должен съесть целую курицу, а живую перебросить через головы молодых, чтобы летали; делают и другие подобные чудачества.

Чуваши в большинстве обычаев также следуют туркам: имеют свои мечети без колоколов, молятся на луну и строго хранят свои праздники. Богатство их заключается в больших стадах лошадей, рогатого скота и овец; все фабрики разнообразных материй у них свои, ни от кого ничего не покупают. Женщины убираются так же, как мужчины, различаются только серьгами, которые носят в ушах, особенной величины, серебряные, в форме полумесяца, а на груди, *отлитые из серебра изображения солнца* [курсив наш — Ред.].

Черемисы похожи на чуваш и сходятся с ними почти во всех обрядах.

¹ URL: <https://polona.pl> (дата обращения: 10.01.2022).

² Разбивка на абзацы в цитатах здесь и далее такая же, как в оригинальном тексте; орфография и пунктуация приведены в соответствие с современными нормами русского языка.

Черемисские женщины очень ловки, смело ездят на лошадях, стреляют из луков, играют на инструментах, которые делают сами, на манер нашей гитары, со струнами из конских волос. Девушки у них носят плетеную косу из конских волос почти до самой земли; на конце косы привязывают разные звонки, а посередине серебряные монеты, разделяющие пряди.

Вотяки отличаются особым способом обработки земли. Одежда у мужчин и женщин совершенно неодинаковая. Мужчины — совсем не щеголи: верхняя одежда у них из разного зверя, собак и конской кожи. Женщины носят шапки вышиною около локтя, похожие на гренадерские, из богатых материй, украшенные разными бахромами: все белье трудолюбиво вышито гарусом; верхние платья — по большей части из бухарских материй.

Остяки почти во всем похожи на предыдущих. Религии все языческой; разница только в языке. Занимаются отчасти земледелием, отчасти охотой; зверя бьют из луков, ибо другого оружия им нельзя иметь.

Все указанные мною племена, за исключением татар, не очень многочисленны: они едва населяют несколько сот селений, разбросанных по лесам. Платят подушную подать и выставляют в небольшом количестве рекрутов (Копец 1896: 238–239).

В приведенном отрывке находим уникальные сведения об «отлитых из серебра изображениях солнца» — украшениях, которые носят чувашские женщины на груди. Эта фраза привлекла внимание исследователей чувашской культуры (см., например: Денисов 1969: 23; Захарова-Кульева 2019: 18), которые связывали эти украшения с вышитыми нагрудными узорами *кёскё*, ссылаясь на соответствующую словарную статью в словаре чувашского языка, составленном выдающимся тюркологом, чувашеведом Н. И. Ашмариним: «Кёскё, нагрудная вышивка на женской рубашке. По словам старых чуваш, рисунки узоров изображают солнце как подателя жизни» (Ашмарин 1999: 302). Казалось бы, очевидна связь чувашских серебряных «солнц» Копця и чувашских *кёскё* — символов солнца, но в оригинальном издании “*Dziennik podryzy Iozefa Korcia...*” 1837 г. на польском языке этот абзац отличается от приведенного выше перевода:

Drugie narody inne mają obrządhi i różnią się od siebie, ale w wielu zwyczajach naśladowują Turkow: mają swoje meczeta bez dzwonow, módlą się do miesiąca i ściśle zachowują swoje święta.

Mają wielkie stada koni, bydła, owiec, wszystkie fabryki roznych materji mają swoje własne, od niko-go nie kupują, kobiety ubierają się tak jak mężczyzni różnią się tylko kolczykami, które noszą u uszów osobliwszej wielkości, srebrna formy półmiesiąca, na piersiach sztuki wylewane ze srebra słońca (Копец 1837: 23).

Хорошо видно, что отрывок начинается словами “*Drugie narody...*”, то есть «вторые (иные) народы» (имеются в виду не татары, ранее в тексте были сведения о них). Перевод на русский язык:

Вторые (иные) народы имеют обряды и отличаются друг от друга, но во многих обычаях подражают туркам: у них есть свои мечети без колоколов, они молятся на месяц и строго сохраняют свои праздники.

У них большие стада лошадей, крупного рогатого скота, овец, у всех фабрики разных материй свои, ни у кого ничего не покупают, женщины одеваются так же, как мужчины, только с серьгами, которые носят на ушах, странного размера, серебряные формы полумесяца, на груди искусно вылитые из серебра солнца.

В издании 1865, 1867 и 1881 гг. текст такой же, то есть в польских вариантах речь идет не конкретно о чувашах, а вообще о других нетатарских народах Волго-Уралья. Следовательно и сведения этнографического характера в выделенном отрывке можно относить и к чувашам, и к черемисам, и к вотякам, и к остякам.

Издание 1863 г., опубликованное в Берлине (на польском языке), считается более обширным и полным (Шостакович 1994: 47; Островская 2014: 269), но в нем, как и в изданиях 1868, 1911 гг., вышеприведенный отрывок из перевода Воробьева о татарах, чувашах, черемисах, вотяках

и осяках отсутствует. Более того, ни в главе двенадцатой «Прибытие в Москву, дальнейшие подробности моего путешествия до Иркутска», ни во всей книге упоминаний этих этнонимов нет (Корес 1863).

В связи с этим, а также в связи с рассуждениями, приведенными ниже, возникают сомнения в том, что Юзеф Копец писал именно о перечисленных народах. В воспоминаниях он указывает, что его везли в ссылку на Камчатку летом и в начале осени 1795 г. через Смоленск, Москву, Казань, Тобольск и далее до Иркутска в закрытом и очень неудобном транспорте:

Кибитка, которая на всем дальнейшем пути была моей транспортной повозкой, является по форме и устройству своего рода сундуком, обитым вокруг кожами, а изнутри железными листами. Окошки сбоку непригодны для доставления света, но только для подачи несчастной жертве воды либо скудной пищи. Еще одна подобная вышеназванной дыра внизу служит [туалетом] для всегда замкнутого узника. А поскольку в сказанном жилище нет никакого сидения, то, чтобы я, не излечившись еще от ран, мог как-нибудь сидеть, дан был мне мешок с соломой, которым я заодно и обертывался от холода... Отверстие моей кибитки постоянно закрывалось при проезде через села и городки. Офицер же мой, постоянно пьяный, со всей своей командой[,] не способный на человеческие эмоции, не проявлял ко мне ни малейшего сочувствия. (...) Неоднократно переворачиваясь с кибиткой, я получил тысячи ушибов и повреждений, и если бы не мешок с мелко порубленной соломой, которым меня окутывали, и соломенная подстилка, наверняка я был бы жертвой этого рода пытки... Из Казани в Тобольск везли меня под такой же строгой охраной, и я испытывал не лучшее обращение, чем прежде. (...) начал я повторно терять силы и в конце концов заболел смертельно (Шостакович 1994: 49).

Как же в таких условиях арестант мог узнавать этнографические подробности, различать разные этносы, рассматривать детали одежды, интерьера, свадебного обряда и затем вспомнить и записать все это более чем через десять лет?¹ Можно предположить, что Юзеф Копец мог наблюдать быт упоминаемых в приведенном тексте народов на обратном пути, в конце 1796 — начале 1797 г. (Островская 2014: 268), однако в соответствующих фрагментах воспоминаний нет никаких указаний на это.

Таким образом, представляется возможным, что привлечший внимание исследователей отрывок был вставлен издателями в текст воспоминаний Копца, тем более что опубликованы они были лишь через десять лет после смерти автора. Понятия авторского права в его современном значении в те времена не существовало, и издатели могли использовать тексты других авторов, не указывая их имен. Например, известная книга Иоганна Готлиба Георги «Описание всех народов Российского государства, их быта, вероисповедания, обычаев, жилищ, одежды и остальных отличий» (“Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidung und übrigen Merkwürdigkeiten”) в переводе на русский язык 1799 г. содержит «Предупреждение» от издателя, где он сообщает, что Георги использовал сведения многих других исследователей XVIII в. и перечисляет их имена (не все) (Георги 1799: V). В других изданиях этого труда, например в немецком издании 1776 г., во французском 1776 г., английском 1780–1783 гг., аналогичных по содержанию «предупреждений» нет.

Скорее всего, волго-уральская этнографическая вставка путешествия Копца была добавлена не только для ознакомления, но и для развлечения читателей, не зря самое первое издание отрывков из воспоминаний Копца «Камчатские обычаи» (1821) содержало только этнографические описания, которые издатель характеризует как «любопытные, занимательные» (Камчатские обычаи 1821: 286). Таким образом, можно предположить, что интересующие нас сведения не принадлежат перу Юзефа Копца, однако источник их пока неизвестен².

¹ При этом у нас нет никаких сомнений в достоверности камчатских этнографических сведений, которые сообщаются в «Дневнике...» Юзефа Копца, поскольку на Камчатке он прожил около года.

² Для более тщательного исследования необходимо знакомство с первоначальной рукописью Копца, где, может быть, сохранились какие-либо сведения об источнике этой этнографической вставки, текст этой рукописи издан на польском языке (Kuczyński, Wójcik 1995), но, к сожалению, возможности знакомства с этим изданием у автора в настоящий момент нет.

То, что Копец не был непосредственным очевидцем описываемых этнографических реалий, заставляет относиться к опубликованным описаниям с настороженностью, соответственно и верхнюю дату возможного бытования описанных им реалий необходимо отнести к началу XIX в. Тем не менее некоторые приведенные о чувашах свидетельства имеют достоверный характер, например упоминание о серебряных серьгах, «особенной величины... в форме полумесяца». Этим серьгам, вероятнее всего, соответствуют околоушные украшения чувашей *алка* [алгá] (Ашмарин 1994: 155; Воробьев и др. 1956: 315; Захарова-Кульева 2016: 40; 2017: 115), представляющие собой несколько согнутых в виде незамкнутого полукруга отрезков металлической проволоки длиной около 15 см и диаметром до 1 см каждая, расположенных вплитык друг к другу; известны также аналогичные марийские украшения из кусков проволоки «в виде когтей» (Молотова 1992: 42). Для некоторых сведений из этой этнографической вставки можно предположить источник, тем более что до 1837 г. (когда было опубликовано первое издание записок Копця) было издано уже довольно много «путешествий» этнографического характера, рассказывающих о народах России. Так, фрагмент о домах татар перекликается со сведениями из книги Гмелина «Путешествие по Сибири с 1733 по 1743 г.» (“Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743”), опубликованной в 1751–1752 гг. в переводе К. Харламповича: «У татар нет черных изб, но в каждой комнате имеется два очага, один для приготовления пищи, другой для отопления. Их покои выглядят оч[ень] чисто. У них нет ни кроватей, ни подушек, а вместо того широкие скамьи (нары) и ковры» (Харлампович 1904: 18). Труд Гмелина на русский язык полностью не переведен, ручаться за точность этого отрывка, данного по описанию К. Харламповича, не приходится, но приведенные сведения о двух очагах аналогичны вставке в тексте Копця, где говорится о печи, предназначенной, видимо, в первую очередь для отопления, и котле (установленном на очаге), где готовят пищу. Именно такие виды печей сохранялись в татарских жилищах вплоть до XX в. (Сулейманова 2007: 14). О «величайшей опрятности» и очень чистых покоях, устройстве нары и коврах в интерьере пишут оба автора. Но не все сведения из рассматриваемой этнографической вставки вызывают доверие. Так, сомнителен текст об обычаях татарского сватовства и свадьбы.

Таким образом, можно предположить, что фрагмент о народах Волго-Уралья, авторство которого не установлено, является позднейшей вставкой в текст воспоминаний Юзефа Копця и требует тщательного анализа и интерпретации. Что касается непосредственно интересующего нас сюжета об украшениях в виде солнца, то важно подчеркнуть, что в русском переводе историка, археолога, полониста Г. А. Воробьева сведения о серебряных «солнцах» стали «приписываться» чувашам, чего не было во всех других изданиях (Славяноведение... 1979: 108–109). Все это вызывает определенные сомнения в реальности бытования рассматриваемых украшений, но интересующая нас фраза о литых нагрудных изображениях «солнц» из серебра находит неожиданное подтверждение в изобразительных материалах. Так, в издании работы И. Г. Георги 1799 г. на одной из цветных иллюстраций, помещенных между страницами 12 и 13 изображена женщина, у которой под верхней одеждой на груди справа видна часть предмета круглой формы, обрамленного «лучами» в виде треугольников, поверхность круга покрыта узорами (Георги 1799). Эта деталь может быть как вышивкой, так и отдельным отлитым из металла «солнцем» (что более вероятно, так как на рисунке видны отчеркнутые тени — утолщения лучей). Рисунок подписан «Татарка Казанская спереди». В более раннем издании 1776–1777 гг. эта иллюстрация имеет такое же наименование (Георги 1776; рис. после с. 16). Во французском издании 1776 г. в конце книги есть этот же рисунок, но не раскрашенный (Georgi 1776) (рис. 1). Все три изображения выполнены с одной гравировальной платы.

Есть весьма близкое, но отличающееся как стилистически, так и деталями изображение в издании Миллера 1791 г., расположенное на самой последней странице (Миллер 1791) (рис. 2). Здесь особенно четко видно, что «солнце» — не вышивка: его верхние края расположены на нашейно-нагрудном украшении и частично перекрывают его подвески. Подписи у иллюстрации нет, сверху обозначено «№ 8», а в тексте говорится: «На прочих же рисунках под № 6, 7 и 8 изображено

с платья Кунгурских и Уфимских Татарок, которых мне случилось видеть в полном их уборе между реками Окою и Кунгуром и между Кунгуром и Рифейскими горами, и с онаго приказал я снять рисунки» (Миллер 1791: 15–16). Издание Миллера более позднее, чем французское и русское издание Георги (1776–1777), однако Миллер упоминает, что сам наблюдал эти костюмы и «приказал снять рисунки», а на титульном листе его книги есть указание, что она была написана по возвращении из экспедиции в 1743 г. К тому же рисунки из книги Миллера сделаны менее профессионально, чем из изданий Георги и, вероятно, они могли служить источником для художника Георги.

Таким образом, рассматриваемый нами сюжет у Миллера — изображение, связанное с кунгурскими или уфимскими татарами, а Георги приписывает его (и, вероятно, сознательно) казанским. В своем труде Георги пишет о казанских татарах, проживающих не только в Казанской губернии, но и в иных наместничествах: Уфимском, Оренбургском, Пермском, Пензенском, Симбирском и других (Георги 1799: 7). Это не противоречит Миллеру, который в введении указывает: «Оные народы по известному в России званию суть следующие: 1) Татары, которые живут отчасти в самом городе Казани, також и в окольных деревнях, так что их и в Кунгурском уезде довольно число находится, к чему причитаются и Башкирцы, живущие в Уфинской провинции» (Миллер 1791). К тому же в вышеприведенном отрывке с нумерацией рисунков он обозначил довольно широкую географическую область — от Оки до Уральских гор, включающую в себя почти все современные территории проживания этнографических групп татар и башкир российской Европы (Этнотерриториальные группы... 2002) и не только их.

В дальнейших исследованиях нам представляется необходимым в первую очередь обратить внимание на чувашские народные украшения. Это обусловлено следующими фактами. Во-первых, мотивация «уточнения» А. Г. Воробьевым принадлежности серебряных «солнц» чувашам, которую весьма трудно объяснить случайностью или прихотью исследователя. Возможно, Воробьев опирался на какие-то неизвестные нам данные. Во-вторых, в тексте этнографической вставки помимо «солнц» упоминаются и наушные украшения *алка*, которые, вероятно, входили вместе с «солнцами» в единый костюмный комплекс. Украшение *алка* бытовало у чувашей и марийцев, следовательно можно предположить и одновременное бытование «солнц». В-третьих, известно, что иногда в традиционной орнаментации одежды вышивке предшествуют металлические изделия. Таковую замену в украшении карельской одежды описывает, например, А. П. Косменко: «...узоры на

*Татарка казанская спереди.
Eine Kasanische Tatarin vornwärts.
Tém. Tattare de Casan par devant.*

Рис. 1. Татарка казанская спереди.
Гравюра из: (Georgi 1776)

Fig. 1. Kazan Tatar woman in front.
An engraving from: (Georgi 1776)

Рис. 2. Изображение кунгурской
или уфимской татарки.
Гравюра из: (Миллер 1791)

Fig. 2. Image of a Kungur
or Ufa Tatar woman.
Engraving from: (Miller 1791)

средневековой одежде исполнялись бронзовыми нашивками, а на предметах карельского костюма XIX в. вышивались волокнистыми нитями» (Косменко 2002: 147). Аналогично и серебряные «солнца» могли быть заменены вышитыми *кёскё*. Возможно, что на это повлиял «запрет кузнечного и серебряного дела» для ряда поволжских народов в начале XVII в. По предположению В. Д. Дмитриева запрет был введен уже с третьей четверти XVI в. и положил конец традициям ювелирного мастерства у чувашей (Дмитриев 1986: 236–237).

Обозначенные здесь факты необходимо согласовать с противоречащими друг другу сведениями из изданных воспоминаний Копца о принадлежности серебряных «солнц» нетатарам (имеющим мечети) и изображениями «солнца» в костюме татарки или башкирки по Миллеру и Георги. Помимо этого, также представляется необходимым историко-лингвистический анализ терминов (прежде всего *кёскё*), относящихся к этой теме.

Подводя итог, отметим, что без дополнительных изысканий нет возможности атрибутировать серебряные «солнца» как украшения, характерные для какой-то определенной этнической группы. Предварительно можно говорить лишь о том, что обычай носить на груди серебряные «солнца» характерен для нерусского населения XVIII в. (возможно, мусульманизированного), обитавшего на территории от Казани до Урала.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары: Руссика, 1994. Т. 1–2.
- Ашмарин Н. И.* Словарь чувашского языка. Чебоксары: Руссика, 1999. Т. 7–8.
- Воробьев Н. И., Львова А. Н., Романов Н. Р., Симонова А. Р.* Чуваша: этнографическое исследование. Ч. 1: Материальная культура. Чебоксары: Чувашгосиздат, 1956.
- Георги И. Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. СПб.: Императорская Академия наук, 1776. Ч. 1–3.
- Георги И. Г.* Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. СПб.: Императорская Академия наук, 1799. Ч. 1–4.
- Денисов П. В.* Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1969.
- Дмитриев В. Д.* Чувашия в эпоху феодализма (XVI — начало XIX вв.). Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1986.
- Захарова-Кульева Н. И.* Серебряные украшения и головные уборы чувашей XVIII–XIX веков из фондов Чувашского национального музея: каталог. Чебоксары: Чувашский национальный музей, 2016.
- Захарова-Кульева Н. И.* Чăваш халăх тумĕ: этнографи словарьĕ [Чувашская народная одежда: этнографический словарь: на чувашском языке]. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2017. (На чуваш. яз.)
- Захарова-Кульева Н. И.* Волшебные узоры кеске [Асамлă кёскё эрешĕсем]: альбом-каталог. Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2019.
- Камчатские обычаи // Сибирский вестник. 1812. Ч. 14. Кн. 5. С. 275–287.
- Копец И.* Описание путешествия Иосифа Копца вдоль всей Азии (перевод Г. А. Воробьева) // Исторический вестник. 1896. Т. LXVI. № 10. С. 226–244; № 11. С. 579–601; № 12. С. 991–1016.
- Косменко А. П.* Традиционный орнамент финноязычных народов Северо-Западной России. Петро-заводск: Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, 2002.
- Миллер Г. Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, как то черемис, чуваш и вотяков. СПб.: Императорская Академия наук, 1791.
- Молотова Т. Л.* Марийский народный костюм. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1992.
- Островская Е. Р.* Юзеф Копец — «знакомый незнакомец» // На перекрестке континентов: материалы XXXI Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2014. С. 263–270.
- Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь / отв. ред. В. А. Дьяков и др. М.: Наука, 1979.
- Сулейманова Д. Н.* Интерьер жилища волго-уральских татар: развитие и этнокультурная специфика: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова, 2007.

Харлампович К. В. Известия И. Гмелина о Казани и о казанских инородцах (1733). Казань: типо-лит. Императорского университета, 1904.

Шостакович Б. С. Иркутские страницы «Дневника» ссыльного костюшковца Юзефа Копця // Земля иркутская. 1994. № 2. С. 46–51.

Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования. Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань: Дом печати, 2002.

Georgi J. G. Description De Toutes Les Nations De L'Empire De Russie: Ou L'on Expose Leurs Moeurs, Religions, Usages, Habitations, Habillemens Et Autres Particularites Remarquables. "Les" Nations Tatares Établies Dans Cet Empire. Seconde Collection. St. Petersburg, aux dépens de Charles Guillaume Müller, 1776.

Копец И. Dziennik podróży Józefa Kopcia przez całą wzdłuż Azyą, lotem od portu Ochotska oceanem przez Wyspy Kurylskie do Niższej Kamczatki, a zamtąd na powrót do tegóž portu na psach i jeleniach. Wrocław, 1837.

Копец И. Dziennik Iozefa Kopcia Brygadjerd wojsk Polskich z rozmaitych nóт dorywczych sporządzony. Berlin, 1863.

Kuczyński A., Wójcik Z. Dziennik Józefa Kopcia brygadiera wojsk polskich. Z rękopisu Biblioteki Czartoryskich opracowali i wydali. Wrocław: Wrocławska Drukarnia Naukowa, 1995.

REFERENCES

Denisov P. V. *Etnokul'turnye paralleli dunaiskikh bolgar i chuvashei*. [Ethnocultural Parallels of the Danube Bulgarians and Chuvash]. Cheboksary: Chuvashknigoizdat Publ., 1969. (In Russian)

Dimitriyev V. D. *Chuvashiia v epokhu feodalizma (XVI — nachalo XIX vekov)* [Chuvashia in the Era of Feudalism (16–19th Centuries)]. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1986. (In Russian)

Etnoterritorial'nye gruppy tatar Povolzh'ia i Urala i voprosy ikh formirovaniia. Istoriko-etnograficheskii atlas tatarskogo naroda. [Ethnoterritorial Groups of Tatars of the Volga Region and the Urals and Issues of Their Formation. Historical and Ethnographic Atlas of the Tatar People]. Kazan': Dom pechati Publ., 2002. (In Russian)

Kosmenko A. P. *Traditsionnyi ornament finnoiazychnykh narodov Severo-Zapadnoi Rossii* [Traditional Ornament of the Finnish-Speaking Peoples of North-Western Russia]. Petrozavodsk: Institut iazyka. literatury i istorii Karelskogo nauchnogo tsentra RAN, 2002. (In Russian)

Molotova T. L. *Mariiskii narodnyi kostium*. [Mari Folk Costume]. Ioshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1992. (In Russian)

Ostrovskaja E. R. *Iuzef Kopets — «Znakomy neznakomets»* [Jozef Kopec — "Familiar Stranger"]. *Na perekrestke kontinentov: materialy XXXI Krasheninnikovskikh chtenii* [Crossroads of Continents: Proceedings of XXXI Krasheninnikov Readings]. Petropavlovsk-Kamchatskii. 2014, pp. 263–270. (In Russian)

Shostakovich B. S. *Irkutskie stranitsy «Dnevnik» ssyl'nogo kostiushkovtsa Iuzefa Koptsia* [Irkutsk Pages of the "Diary" of the Exiled Jozef Kopec, Kosciusko's Associate]. *Zemlia irkutskaja*, 1994, no. 2, pp. 46–51. (In Russian)

Suleimanova D. N. *Inter'er zhilishcha volgo-ural'skikh tatar: razvitie i etnokul'turnaia spetsifika. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie stepeni kandidata istoricheskikh nauk* [The Interior of the Dwelling of the Volga-Ural Tatars: Development and Ethnocultural Specifics. Abstract of Candidate Dissertation Thesis]. Chuvashskii gosudarstvennyi universitet imeni I. N. Ul'ianova, 2007. (In Russian)

Vorob'ev N. I., L'vova A. N., Romanov N. R., Simonova A. R. *Chuvashi: Etnograficheskoe issledovanie. Chast' I: Material'naiia kultura* [Chuvash: An Ethnographic Study. Pt. 1: Material Culture]. Cheboksary: Chuvashgosizdat Publ., 1956. (In Russian)

Zakharova-Kul'eva N. I. *Serebrianye ukrasheniia i golovnye ubory chuvashei XVIII–XIX vekov iz fondov Chuvashskogo natsional'nogo muzeia: katalog*. [Chuvash Silver Jewelry and Headwear in 18–19th Centuries From the Funds of the Chuvash National Museum: Catalogue]. Cheboksary: Chuvashskii natsional'nyi muzei, 2016. (In Russian)

Zakharova-Kul'eva N. I. *Chuvashskaia natsional'naiia odezhda: etnograficheskii slovar'* [Chuvash National Dress: an Ethnographic Dictionary]. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2017. (In Chuvash)

Zakharova-Kul'eva N. I. *Volshebnye uzory keske: al'bom-katalog* [Magic Patterns Keske: Album Catalogue]. Cheboksary: Chuvashskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2019. (In Russian)

Submitted: 21.05.2023

Accepted: 05.06.2023

Published: 10.07.2023